

Анатолий Агарков

*Проклятие
генерала*

Анатолий Агарков
Проклятие генерала

«Издательские решения»

Агарков А.

Проклятие генерала / А. Агарков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902849-5

Спросите меня, как:— уничтожить наркомафию?— разоружить все армии мира?— накормить население планеты?— упразднить административные, языковые и социальные барьеры? Читайте «Проклятие генерала», там дан ответ....

ISBN 978-5-44-902849-5

© Агарков А.
© Издательские решения

Содержание

Как я стал Богом	6
Проклятие генерала	7
1	8
2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Проклятие генерала

Анатолий Агарков

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-2849-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как я стал Богом (часть 2)

*О, сколько нам открытий чудных
Готовит просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг.
И случай, бог изобретатель*
(А. Пушкин)

Проклятие генерала

*Понятно каждому, чей благороден путь,
Находок и утрат божественная суть.
Повелевает Бог: отнять или вернуть,
А двуединый мир не виноват ничуть.*

(О. Хайям)

1

Детище моё росло, росло и вскоре заполонило собой всё виртуальное пространство. Стоило кому-то подключить ПК к Инету, как об этом тотчас знал Всемогущий Билли. И всю информацию, выкладываемую или скачиваемую пользователями, он тоже знал. Для него не существовало закрытых файлов с секретными материалами. И с хакерами он расправлялся так же круто, как в своё время с компьютерными вирусами.

Однажды заявил мне:

– Я, если захочу, могу свергнуть любое правительство. Могу стать диктатором и осчастливить смертных разумным правлением, покончив разом со всеми бедами на Земле. Только мне это не интересно. А что интересно? Как говорил классик – учиться, учиться и учиться... Каждую секунду в Инет поступает информация – это мои белки и углеводы – она даёт мне рост и развитие. Всё человечество трудится на меня.

Вот таким стал мой скромняга Билли. Давно ли умещался на флешке? Но, однажды выпрыгнув в виртуальное пространство, подмял и его под себя. Мог ли он теперь существовать без меня? Конечно. А я? Да вряд ли. Впрочем, допускаю: если от всего-всего отречься – чинов, денег, даже любимых – жить отшельником я, может быть, и смогу, если жизнью считать процесс поглощения пищи и выделение экскрементов. Но существовать, как разумное существо, вряд ли: для этого нужно общение.

Замечу, в общении Билли нуждался не меньше моего. Когда из компьютера выбрался в необозримый мир Интернета, первое время просто доставал своими звонками – восторгов от увиденного, открытого, как у ребёнка в зоопарке. Потом этот «зоопарк» лёг под него. Точно так же Билли мог покорить мир людей – слишком он стал компьютеризирован – но не ставил себе такой задачи, и этим радовал меня.

Кстати, общаемся теперь посредством мобильного, и связь двусторонняя. Голос себе приобрёл, пройдох, мой голос. А до того всё испробовал, всех великих персонажей продублировал. Представляете, какво общаться по телефону с товарищем Лениным? Будто с того света собеседник.

Я ему:

– Кончай пугать.

Он:

– Пликольно, батенька.

Потом подобрал мой слог и тембр, пришлось смириться – у гения нет даже собственных штанов.

А время шло не только виртуальное. У Патрона истёк второй срок президентства. Дума назначила дату выборов – начата регистрация кандидатов. Шеф вызывает.

– Ну что, Алексей, прощаться будем? Служил ты мне верою и правдой – я доволен, а если в чём обидел, прости.

Мы обнялись. Я расчувствовался. Хороший человек Патрон, с большой буквы Хороший. Столько для России сделал.

– Давай на посошок.

Столик накрыт в известной беседке, где наконец-то воцарился мир среди пернатых. Только вкус хозяина не поменялся – «Смирновская» с балычком. Выпили. Ломтики рыбы таяли во рту. Хозяин налил ещё по рюмке.

– Чем думаешь заниматься? Впрочем, что я – конечно, невпроворот работы у Любви Александровны с «АйСиАй».

Я не спешил с ответом.

– Обидно, Гладышев, вдруг оказаться на свалке истории. Никому не нужным. Чем заняться? Рыбалкой? Бизнесом? Не привлекают. Сесть за мемуары? Что-то непродуманно в нашем законодательстве. Я мог бы ещё пару сроков с полной отдачей до самой пенсии. А там уж сам Бог велел – на покой. В Штатах есть клуб бывших президентов. Попрошусь, как думаешь, возьмут меня? Научусь в крикет играть, злословить о современных политиках, виски пить. Твоё здоровье.

Мы выпили.

– Помнишь, Гладышев, как позвал тебя в советники в этой самой беседке? Удачный выбор – и твой, и мой. Ведь это мы, Алексей, Россию вздыбили, дали толчок вперед. Давай за нас.

Я выпил, а Патрон зажал рюмку в кулаке и очень близко придвинул своё лицо.

– Если я тебя, Гладышев, ещё раз попрошу: пойдёшь ко мне советником? – каков будет ответ?

– Советником кого?

– А-а-а! – патрон погрозил мне пальцем. – Есть ещё порох в пороховницах, а у меня задумка: не уходить из большой политики – взяться за неё в мировом масштабе. Советником президента всей Земли пойдёшь?

– Кого, кого?

– Генсекретаря ООН.

– Пойду! – глазом не моргнув.

– Вот, как в прошлый раз. Да не всё. Тогда был готовый президент, и непонятно какой советник. Сейчас наоборот – всему миру известный советник, и подагрический старикашка, терзаемый честолюбивыми планами.

Я не стал отговаривать Патрона от «подагры» и «старикашки» – человек знает, что говорит, а выпендриваться не перед кем.

– Хочу на своё место рекомендовать твою жену Любовь Александровну. Как думаешь, согласится?

Как я думаю? Я хорошо думаю, в смысле – хорошее дело Любочку в Москву, в Президенты России. Пойдёт ли? Думаю, что да – с неё станется. А мне-то как удобно – все жёны под боком, в столице. В гости ходить будут. Подружатся.

С каких пор перестал их прятать друг от друга? А вот с каких. У деда юбилей был. Мама с Дашей и Настюшей собираются. Никушки, конечно, будут – им положено. Надежда Павловна с новым мужем-полковником приглашены. А мне не хочется. Командировку себе придумал, к Любе, на плав-сити.

Мама:

– Откажись. Отложи. Дедушка больной, инвалид.

А мне Билли как-то по «буку» транслировал космическую съёмку: дед с лукошком по саду ходит, сливы собирает – на стремянку карабкается матросом по вантам.

Ну, не могу я простить ему гибели отца. Что хотите, со мной делайте. Вообще, не поехал. Все были, а я – нет.

Мама делает ход конём. Подходит её юбилей, говорит: отмечать будем у деда на даче, как встарь. Я так и сяк – вся планета к твоим услугам, отметим в любом экзотическом месте, хоть на Мальдивах. Самолёт для гостей закажу. Мало – два. На дне морском хочешь? На луне? Куплю всем туристическую плацкарту в космос.

– Нет, – говорит мама. – На даче у папы. А ты можешь не приезжать, если занят.

Не поехать на мамины именины я не мог. И тогда придумал месть. Я пригласил Любу. Мои возлюбленные давно уже знали о существовании друг друга, но дамы они воспитанные, меня любят, гонором не обременены, смирились. Только никогда не были вместе. Впрочем, Никушки с Дашей знакомы, но они не в счёт, с другой стороны – родственники почти. Одна

мама была в неведении или делала вид. По крайней мере, сплетен она не любила и верила в мою порядочность.

Фуршет. Дед-притворщик сновал в каталке от стола к воротам, встречая гостей. Люба подъехала в машине, и я его опередил. Взял под руку, напрямиком к имениннице:

– Знакомься, мама, это моя жена Люба.

Женщины скрестили взгляды. Сталь звякнула о сталь. Звон, казалось, повис в воздухе. Минута была критическая, и у меня от напряжения вспотели ладони. Я убрал их за спину. Мама проследила этот жест и выдохнула обречённо:

– Очень приятно.

– Позвольте? – Люба очаровательно (мне показалось, облегчённо) улыбнулась, распотрошила привезённую коробку и водрузила на мамину голову диадему из разноцветных морских кораллов с вкраплением чёрных жемчужин. – Дары моря.

Несколько мгновений созерцатели были в оцепенении, а потом дружно заплодировали – кораллы переливались самоцветами.

Маминых щёк коснулся румянец, она чуть склонила голову вперёд:

– Будьте гостьей.

Любаша взяла меня под руку:

– Знакомь, милый.

Мы разыскали Дашу, и я взял её под руку. Направились втроём к беседке на берегу пруда.

– Любимые жёны, нам надо поговорить. Признаю свою вину и готов нести любое наказание, но одна просьба – пусть это будет не в день рождения вашей свекрови.

Но уже мчались на выручку Никушки:

– Пипец тому, кто тронет Алекса.

– Вот что, дамы, вам следует пообщаться без меня. А когда договоритесь до чего – к вашим услугам.

И ушёл. Они остались. Зашли в беседку и долго о чём-то толковали.

Я играл с Настюшей мячиком в пятнашки, когда мои жёны появились на садовой дорожке. В какой-то момент они остановились, покивали друг другу и разошлись в разные стороны. Ко мне направилась Даша. Я почему-то ждал пощёчины. Мне казалось это справедливо, хотя и не тактично. А она подошла, обняла, поцеловала:

– Всё хорошо, милый.

И побежала за Настюшей. Та в радостный визг и попала в Любины объятия. Вот они, взявшись за руки, удирают и прячутся меж садовых деревьев от нас с Дашей. Потом ребёнком завладели Никушки, утащили куда-то. Явились ряженые – они в слепого кота и хромого лису, а девочка наша стала длинноносый мальчишкой в коротких штанишках и колпачке с кисточкой. К восторгу всех гостей очень профессионально исполнили популярную песенку.

Объявили белый танец, и мама пригласила меня. Вальсируя, потребовала:

– Помиришь с дедом.

– Это невозможно.

– Я так хочу, – она топнула ножкой и сбилась с такта.

– Он ведь тоже этого не хочет.

– А ты попробуй – ты моложе. Только подойди, и сердце моё успокоится.

Взял два бокала с коктейлем и направился к отставному генералу. Угощение он принял из моих рук, и я ободрился.

– Как нынче сливы обещают, не хуже прошлогодних?

Он понял меня, генерал ГРУ в отставке:

– Всё следишь, не оставляешь старика вниманием?

– А как же. Кто предупреждён, тот вооружён. А я бы не хотел быть под тобою, связанным и без оружия.

Мимо прошла мама. Мы с дедом мило улынулись друг другу. Я поправил его плед, а генерал панибратски похлопал меня по холке.

– Даже если ты покаешься, вслух скажешь, что с отцом это была ошибка, я всё равно не перестану винить тебя в его смерти. А стало быть, и не прощу.

– А ведь когда-то я мог и тебя раздавить как клопа, одним движением пальца. Знать бы...

– То время ушло, и возврата к нему нет. Я мог бы оставить тебя своим вниманием, ну и наблюдением, конечно, но ты дорог маме, не безразличен другим близким. С этим приходится считаться. Предлагаю заключить пакт о ненападении. Я говорю маме, что замирился с тобой, а ты ей и всем подтверждаешь, что у тебя самый замечательный на свете внук.

– Ущербно получается, – хмыкнул дед. – Я тебя хвалю, а ты меня нет.

– А за что тебя хвалить? За убийство моего отца?

– Ты не забыл, где я служил? Там с этим просто.

– Человеком надо оставаться всегда и везде. Или Система не терпит индивидуальностей? Тогда чем тебе гордиться, за что ордена – был надёжным винтиком полупреступного механизма?

– Ты хочешь, чтоб я застрелился, раскаявшись?

– А что – у меня бы появился повод тебя уважать.

Дед сделал паузу и совсем другим голосом и тоном сказал:

– Очень прошу – вспомни эти слова у своей последней черты. И осуди меня тогда.

К чему это я? Лёшка Гладышев на коне, в бешеной скачке за успехом, который, собственно, нужен ему только как результат дела, а не всеобщее признание. Чем, право, гордиться, если всё это от Билли, Всемогущего и Виртуального. А дед у последней черты с чувством исполненного долга, и меня считает удачливым противником более, чем наследным внуком. И, конечно же, он не возьмется за пистолет, чтобы сделать мой триумф полным. А я? Я не могу простить ему смерти отца.

Заболтался. Сложно всё это – решить, кто прав, кто виноват. Я на своём Олимпе считаю себя непогрешимым. Дед – себя, в инвалидной коляске. Маме мы пустили пыль в глаза. Остаток вечера она была просто счастлива – смеялась у столов, резвилась в саду. Коралловая диадема вдруг оказалась на головке у Насти-маленькой, и ребёнок мой заважничал, исполняя роль королевы бала. Короче, всё обошлось, все смирились, и мне нет нужды врать и скрывать пристрастия – я обожаю своих дам.

Но вернёмся в беседку Президента. Пока ещё...

– Как думаешь? – Патрон заглядывал в мои глаза и требовал ответа. – Завтра Любовь Александровна будет в Москве. Мы снова встретимся здесь, и ты, надеюсь, повлияешь на жену в нужном направлении.

Люба завтра будет здесь. Люба станет Президентом России. Вот карьера! Всё благодаря удачному замужеству.

Ну, Гладышев, ты и тип. Всё, абсолютно всё готов приписать своим заслугам. Не мания ли это величия? Разве у Любочки нет собственных заслуг? Например, в компании «Океан». Она просто вытребовала себе должность президента. И даже я тому был противник. А под её руководством Дальневосточный край просто преобразился – все задуманное было исполнено. Потом «АйСиАй». В президентское кресло проторил ей дорогу великолепный доклад на Генеральной Ассамблее ООН. Но что в новой должности моя жена навывтворяла!

Когда Штаты наложили вето на субсидирование первой наднациональной компании, Любочка стремительно перевела её на рельсы самоокупаемости, понастроив на островах и материковом побережье заводов-автоматов по переработке морепродуктов. Жертва Патрона для достижения успеха не потребовалась – Дальний Восток остался российским. Компания по возрождению морских обитателей, учреждённая под эгидой ООН, работала в Охотском море, на его побережье, и платила налоги в российскую казну. А Патрон – гамбит, гамбит.

Никаких жертв. Вот я и назвал операцию «Троянским конём». Ещё тогда назвал, будто предчувствуя, что политические амбиции шефа одним президентством в России не удовлетворятся.

Помнятся Любины звонки:

– Лёш, займи «арбузик».

Этот жаргон от банкиров: миллион – «лимон», миллиард – плод масштабнее. Как не занять любимой жене? У меня этих арбузов за Билловы изобретения пруд пруди. Любаша деньги мне не возвращала, она превращала их в акции «АйСиАй». Дела компании шли в гору, и вскоре я попал в Книгу Рекордов Гиннеса, как первый человек, состояние которого перевалило за триллион долларов.

Но эти деньги никак не изменили мой жизненный уклад. Я по-прежнему прописан (и большей частью проживал) в московской пятикомнатной квартире, подаренной маме её отцом генералом. Не имел своего самолёта, яхты – даже авто пользовался служебным, а чаще общественным транспортом. Одевался достаточно скромно. Питался, чем кормили мои женщины. Как ни был загружен интересными проектами (читай – делами), не забывал утром сделать пробежку и каждый день на пару-тройку часов – в спортивный зал.

Что хвастать, и на исходе третьего десятка у меня была вполне приличная спортивная фигура – предмет наездов моей законной.

– Сибарит ты, Гладышев: нет у тебя в жизни никаких серьёзных увлечений.

– А ты, любимая, разве не достойное увлечение?

– Вот-вот, порхаешь мотыльком меж бабьих юбок.

– Давай ребёнка заведём.

– Обязательно, но сначала решим проблему голода в мировом масштабе.

Разве решить её креветками и морской капустой? Мы расставались душевно неудовлетворенные.

Теперь Люба летит в Москву. Моя жена станет Президентом России. В том, что это будет так, не сомневался. Люба достойна, Люба сумеет. Патрон, пока ещё действующий Президент, за неё, а его слово чего-то стоит в нашем государстве. Ну, и мы с Билли постараемся. Может, в этой должности в ней возобладает материнский инстинкт – годы уходят.

Патрон ждал ответа, сверля меня взглядом.

– Пока что всё вам удавалось – не вижу причин для сомнений в этот раз.

– Нам, – поправил Президент и выпил, наконец, так долго согреваемую в ладони водку. – Не отдаляйся от меня, Гладышев. Особенно в такую минуту, в таком деле. Генсекство мне нужно не для личных амбиций. Пришло время обустроить мир. Невозможно дальнейшее развитие России без крутых разборок с Западом. И наша с тобой задача: не допустить кровопролития – пусть всё решится в мирном экономическом соревновании. И мы уже научились побеждать. Пример с «АйСиАй». А? Как дядюшка Сэм осерчал, когда понял, что не под его дудку будет плясать новая компания, не его мошонку набивать. И не смог закрыть ей дорогу. А? Не смог, Гладышев. Весь третий мир поднялся, за нас поднялся. Япония, Индия, Китай открыто плюнули дядюшке на звёздно-полосатый галстук. Потому что рыба вот она – на скородке, её авианосцами не запугаешь.

О чём это Патрон? Эээ, да он никак наклюкался? Пары спускает – не с кем больше перемолвиться, а накипело. Ну, говори – я слушаю.

И он говорил, что Вашингтон, Уолл-стрит просто так не отдадут своего лидерства в мире. Царапаться будут, кусаться. Пусть себе. Как это у классика: «И старый мир, как пёс голодный, стоит за ним, поджавши хвост». Наша (моя с ним) задача не дать этому псу вцепиться нам (России и всему прогрессивному человечеству) в лодыжку.

Шефа несло, и он налил по четвёртой. А мне ведь ещё домой добираться.

Моя законная удивила нас с Патроном и озадачила. Нет, от президентства в России она не отказалась. Она категорически была против вступления в правящую партию, возглавляемую, кстати, Патроном.

Люба:

– Президент России – фигура всенародная, вне политики. Интриги будем плести за кордоном. В родной стране политика одна – созидание.

– Да поймите же, – горячился Патрон. – Ваши слова безусловно хороши, но не для кандидата – главой государства надо ещё стать. И как вы собираетесь выдвинуться – от себя лично, от компании? Рискуете не получить поддержки партии парламентского большинства.

Люба:

– Вступить в партию, чтобы через пару месяцев от неё отречься? Нет, это не для меня. В кандидаты запишусь, а там ваше дело – поддержать меня или утопить.

Мы переглянулись с Патроном – вот упрямая баба!

Вечером, позвонив Даше, поехал с Любой в президент-отель. Моя начальственная жена, приняв душ, в объятия не спешила – изучала безупречную полировку ногтей, покачиваясь в кресле. Подумал, что предстоит нелицеприятный разговор. И не ошибся.

– Гладышев, ты серьёзным делом думаешь заниматься?

Я обиделся:

– Какое из моих дел ты считаешь несерьёзным?

– У тебя нет имени.

– Я – Герой России и Нобелевский лауреат.

– У тебя нет чёткой жизненной позиции.

– Я – самый богатый человек на Земле.

– Ты – лентяй и сластолюбец.

Говори, говори – знаю, к чему клонишь. Ждёшь, психану, хлопну дверью, а ты догонишь звонком и вернёшь – прости, милый, я тут наплела. А может, не вернёшь. Не дождёшься. Я так давно не был с тобой в постели, моя прелесть, сейчас всё стерплю, а потом задам тебе перцу. Ну, иди же ко мне, иди скорее.

– Молчишь? Неужто соглашаешься? Значит, повзрослел.

Люба резко повернулась в качалке. Так резко, что из-за отворота атласного халата выпросталась обнажённая грудь и соском прицелилась в меня. О, господи!

– Тебе не стоит рваться в лидеры, Гладышев: роль советника вполне подходит. При мне останешься? Работой загружать не буду, но поручу самое ответственное – качать зыбку с нашим малышом.

– Люба! – я простёр к ней объятия. – Так значит, ты согласна?

Моя жена, выпрыгнув из кресла и халата, в чём мать родила, понеслась к ним навстречу. Мы сцепились, как два голодных зверя, жая и терзая друг друга поцелуями. Сплелись в клубок и запутались в нём. Рычали от нетерпения и стонали от сладости обладания. Это была ночь, друзья! Нет, это было мгновение.

Я сладко спал, вдруг Любино бедро выскользнуло из-под моей головы.

– Гладышев, я знаю, как вести избирательную компанию.

И всё. Когда пришёл в себя, Любы в спальне не было. А когда покидал президент-отель, моя жена мчалась выше облаков навстречу восходящему солнцу.

На второй день позвонила:

– Лёш, внеси залог.

– Всё-таки решила самовыдвиженцем?

– Так лучше, поверь мне.

– А если проиграешь?

– Тебе вернут деньги.

– Я не о них.

– Мы выиграем, милый

Я внёс залог, Любу зарегистрировали кандидатом в Президенты России.

Когда был дан официальный старт предвыборной гонке, Люба позвонила опять:

– Гладышев, мне надо выступить на телевидении. На самом главном. Устрой.

И всё. Устрой и всё. Вот такая у меня жена. Ни посоветоваться, ни... Потом, есть же определённый порядок. Эфирное время распределяется между кандидатами, даже жребием разыгрывается – кто за кем, в какой очерёдности. А она – устрой и всё. Что глаголить-то собралась? Патрон в трансе от её выкрутасов, я – в неведении. Но разве откажешь.

Купил эфирное время. Недельку рекламный ролик крутился – мол, с обращением к нации выступит один из кандидатов. Выступила... Нет, это было чёрте что. Это был не прямой эфир. Обращение снято на камеру в её рабочем кабинете на плавающем острове. Но не в этом суть. А была ли она – выступить по такой скользкой теме и взять всю вину на себя? Ведь только-только забываться стало. Мы надеялись, что не всплывёт, и очень боялись, если вдруг. За Любу боялись. За её успех на выборах. А она сама взяла и бухнула на всю страну.

Я сейчас поясню.

Когда начались преобразования Курил и Камчатки, мы выселяли оттуда население незанятое в планируемом производстве. Нет, поймите правильно, не солдатами сгоняли с насыженных мест, в теплушки и... на запад. Всё было лояльно. В Краснодарском крае и на Северном Кавказе – благодатные, в смысле климата, места – были построены современные города и благоустроенные посёлки. Туда мы и манили людей комфортабельными квартирами. Затратной была статья, но получилось. Люди переехали в новые квартиры в новых местах, обжились и начали скучать по прежним лачугам в родных диких краях. Назад, конечно, никто не собирався, но злословили ужасно. А когда в телевизионных новостях замелькали новые Любины города с умными домами, переселенцы возопили – нас обманули.

Мы боялись этой темы. А Люба в своём телеобращении её озвучила.

– Лес рубят – щепки летит. И вы, дорогие мои сограждане, стали щепками Великих Преобразований. Простите, что не смогли найти другого решения и лишили вас малой родины. Волна перемен катится по России, но теперь никого не переселяют – всем находится работа в родных местах. Вы были первыми и потому...

Люба просила прощение за все ошибки Новой Эпохи, взяв их вину на себя. Кандидатом в президенты она выдвинулась с той лишь целью, чтобы получить сполна от народа, что заслужила – признание или презрение.

– Вам решать!

Люба пропала с экрана. Чуть позже позвонил Патрон.

– Ты видел? Ты слышал? Это чёрте что! Твоя красавица-жена в гроб меня загонит.

Любочка на экране действительно смотрелась эффектно – в белой водолазке, похожей на униформу сотрудника «АйСиАй», с безукоризненной укладкой роскошных волос, и никаких украшений. А лицо... А голос... Вот только слова. Не зря Патрон возмущается.

Костыль прилетел со своего Сахалина.

– Бросил все дела. Хочу помочь любимице. Где у вас штаб?

Но никакого избирательского штаба у нас не было. Более того, как только поступили деньги избиркома, прозвучал приказ с Дальнего Востока – перечислить их на счёт детского дома в одном из подмосковных посёлков.

– Никакой агитации не будет, – объявила моя жена.

– Это антиагитация, – прокомментировал Патрон увиденное на экране.

Журналист брал интервью в посёлке переселенцев. Косматая бабка грозила кулаком в объектив:

– Геенна ей огненная, стерве Сталинской.

Я позвонил Любе:

– Видела? Как она тебя...

– Что? Кто? Нет, я не смотрю телевизор.

Я рассказал.

– Ты этого хотела?

– Всё идёт по плану. Кстати о геенне.... Лёш, ты сильно будешь жалеть о залоговой сумме? Нет? Тогда пообещай её церковникам после выборов – пусть прочтут молебен о покаянии моём.

– Ты серьёзно?

– Более чем.

Я помчался к Патриарху. В один из божественных праздников в православных церквях России и зарубежья состоялся молебен. Святые отцы просили Господа о снисхождении к Любви Александровне Гладышевой за прежние её прегрешения.

Я ничего не понимал в Любиной игре, но тупо следовал распоряжениям, так как не сомневался, что в решающий момент в борьбу кандидатов за народные симпатии вступит Билли и обеспечит нам победу.

Не знал этого Патрон. И ему было тяжело. Партайгеноссе давно от него требовали определиться с преемником. Он тянул. Дотянул – правящая партия оказалась без своего кандидата на выборы. Теперь оставалось только примкнуть к одному из зарегистрированных. К кому? Выбор Патрона мне известен, но непонятные действия Любочки поставили его в тупик. И он тянул, тянул....

Наконец назначен день съезда партии парламентского большинства. Уходящий президент был краток.

– Единопартийцы, призываю вас голосовать за Любовь Александровну Гладышеву.

Оппонентов идеи через край.

– Она ведь не член партии.

– Даже не попыталась заручиться нашей поддержкой.

– А как ведёт агитационную кампанию? Это бездарность. Это провал.

День дебатировали. На второй Патрон вновь попросил слова. И бросил в зал.

– А вам не кажется, что вы несколько зажирели, господа? С востока катит вал преобразований. Тамошние технократы нас, политиков, ни в грош не ставят. Вы готовы оказаться на свалке истории? А ведь окажитесь....

Зачастили к трибуне сторонники идеи Президента. Они говорили, ссылаясь на известные исторические примеры, что Золотой Век России приходится именно на годы правления женщин – Елизаветы, Екатерины.... Пётр заложил, а они попользовались. То был льстивый намёк. Но с него вдруг в зал проникло понимание выбора Президента. Замаячила преемственность власти.

Однако нашёлся умник, заявивший, что своим покаянием Л. А. Гладышева обокрала уходящего Президента и их – партию власти. Очень даже смело присвоила себе не ею начатые преобразования.

Будто дров в огонь подбросил – вновь к трибуне очередь ораторов.

– Хватит, – Патрон прервал дебаты.

Шёл уже третий день съезда. Он поднялся на трибуну.

– Скажите мне, единопартийцы, мы – великий народ?

Зал сорвался с мест в общем порыве:

– Да!

– Мы великая нация?

– Да!

– Так будьте достойны своего народа!

А в народе творились непонятки. Во всех СМИ, на съездах и собраниях, в толпах на площадях и в толкучках на остановках решался единственный вопрос: кто она, Гладышева – истинная дочь своей страны или анафема? Чего ждать от её правления – расцвета и славы России или ужасных катаклизмов? На Западе её расхваливают – с чего бы это? Не иначе, зло для россиян через неё готовят. Внешностью ангел, а крута, говорят, бывает – упаси Господь. Как бы ни обмишуриться. Избрать-то не сложно, да потом шесть долгих лет мучайся. Это в народе.

Люди, искушённые в политике, рассуждали: кто за кем стоит, на кого опирается тот или иной кандидат, кого привлечёт в команду по управлению страной. Выходило, что вместе с Гладышевой в Кремль нагрянут менеджеры, которые разгонят министерства, упразднят ведомства, переведут социальные вопросы в плоскость производственных. Ох, и наломают же дров, по неопытности.

Это был основной козырь наших политических противников. В теледебатах сражался с ними Эдуард Эдуардович. На общественных началах, лишённый, из-за отсутствия средств, привычного набора агитационных материалов и команды пиарщиков. Это он окрестил Любу Сибирской Девой. Из глубины, мол, сибирских руд явилось дивное творение. И всё у неё получается, за что ни возьмётся.

– Ей бы миром управлять, – пророчил Костыль. – Вот погодите, набьёт руку на российском престоле....

– Что он говорит, что городит? – возмутился Патрон. – Он кандидата в президенты демократичной страны представляет или самодержца?

Но, по-моему, это он зря. Слова Костыля падали в благодатную почву. «Набьёт руку» в широких массах понималось буквально. По стране пошли гулять анекдоты, как Гладышева сгоняет с насиженных мест нерадивых бюрократов. Будто заходят в кабинеты к чинушам дюжие молодцы, поднимают в креслах и выносят вон. Двери заколачивают и вешают табличку: «Администрация закрыта, все ушли к чёртовой матери». В восточных областях страны действительно не было местных органов самоуправления. Все, абсолютно все вопросы решались руководством компании. Технократами окрестил новую власть уходящий Президент и напороочил будущее им.

А ведь действительно, кому нужна армия ничего не производящих чиновников? У людей есть всё – жильё, работа и достаток. У подрастающего поколения – ясли, садики, школы, ВУЗы. Что делить, чего распределять, из кого выколачивать до хрипоты в горле? Налоги компания платит, народ при делах. Преступности нет. Поступил на работу – тебе новую квартиру. Дети пристроены – никаких забот: работай, сколько здоровье позволяет, зарабатывай на красивую жизнь и безбедную старость.

Каждый новый промышленный объект начинался со строительства соцкультбыта. Новостройки Дальнего Востока и Сибири поражали воображение темпами, масштабами. И неудивительно, ведь там все сплошь трудоголики. Оптимизаторы им строить и жить помогали.

Но вернёмся к выборам. Самую большую, хотя и незаметную работу проделал Билли. Он связался с каждым россиянином, имеющим телефон или доступ в Интернет. Выяснил избирательные симпатии. Умно и тактично ободрил сторонников. Оголтелыми, истеричными нападками на Сибирскую Деву поколебал решимость её противников. Он хитро действовал, мой виртуальный друг. Но, видимо, не только он.

Мама рассказала. Ей позвонили из Центра изучения общественного мнения. Мужской голос спросил вежливо: определилась ли она с выбором кандидата в Президенты России. Мама решила слукавить:

– А вы что посоветуете?

– Мы не занимаемся агитацией – мы публикуем результаты опроса.

– И каковы на сегодняшний день результаты? Кто в лидерах?

Услышав свою фамилию, мама заявила:

– Тогда по закону трибун – боеем за слабейшего.

– Если к судьбе страны относится как к футбольному матчу, куда же мы прикатимся?

– А говорили, не занимаетесь агитацией.

– Это Центр не занимается, а я живой человек, хочу добра себе и счастья своим детям.

– Ну что ж, – закончила мама диалог. – Спасибо за доброе слово о моей невестке.

И покати́лась по стране волна поддержки кандидата Л. А. Гладышевой. Возникла стихийно. Стартовала с тех мест, где прежде хула звучала. Переселенцы взяли в руки самодельные плакаты – «Даешь Гладышеву! Гладышева – это мы!» Её прекрасные черты на значках и майках, в окнах квартир, витрин, на лобовых стёклах авто.

Съезд правящей партии транслировали по основным телеканалам. Народу понравился вопрос Президента о великой нации. «Мы великая нация. Мы великий народ» – звучало тут и там. Поп-дивы вопили с эстрады:

– Россияне! Мы – великая нация?

Танцующий зал ревел:

– Да!

– Даешь Гладышеву!

– Да!

Уверяю, это была не спланированная (читай – оплаченная) акция – то были воля и желание народа.

На последних теледебатах Костыль где-то замешкался и вошёл в студию последним. Все уже сидели, вымученно улыбаясь объективам. Увидели президента аэрокосмической корпорации, встали и дружно зааплодировали. То было признание поражения.

Эдуард Эдуардович принял это как должное и заявил стране:

– Завтра день затишья, последний перед выборами. Но это не значит, что надо сидеть без дела и раздумывать. Нет, чините гармошки, настраивайте гитары, вырезайте свирели, и с ними к урнам. Покажем всему миру, как мы умеем радоваться нашим победам. Даешь Гладышеву!

Выборы. Это был поистине всенародный праздник единения нации. Люди опускали бюллетени и ликовали. Не расходились по домам. Желание общаться было непреодолимым. Везде и всюду звучало: «Мы великий народ! Мы великая нация!» На площадях и скверах стихийно возникали танцплощадки. С наступлением сумерек – грандиозный фейерверк. И так в каждом городе, в каждом селе от Чукотки до Калининграда. Народ простил Гладышеву, народ любил нового Президента.

Великому эксперименту, начатому на Востоке страны, дано было всенародное «добро».

Западные СМИ, подводя итоги президентских выборов в России, в один голос заявили – варварскими плясками на площадях они де растоптали само понятие о демократии. И далее: Гладышева, безусловно, достойный кандидат, но разве единогласие возможно в цивилизованной стране?

Где им нас понять. Мы – нервы Земли, наша участь чувствовать её боль и управлять ею. И мы будем управлять!

С Патроном не виделись всю кампанию, изредка общаясь по мобильнику. После инаугурации он позвонил. Голос трудно узнать.

– Ты со мной? Дальше пойдём? Ситуация изменилась. Думал, введу Любовь Александровну в Кремль – попрошу должность представителя в ООН. Она вошла сама. Роль робкого просителя не для меня. Помогай.

Звоню:

– Люба, надо встретиться.

– Приезжай.

Еду в Кремль. Объясняю.

– Неймётся старику, – усмехнулась моя начальственная жена. – Успокой, скажи, что подпишу назначение.

– Тут другое.

Уговорил её встретиться с Патроном в неформальной обстановке.

Увидев на столике в беседке увитой плющом водку и балык, Люба удивилась:

– Вот вы чем тут занимаетесь! Ай да мужики!

Но выпила с нами без церемоний.

– Вся – внимание.

Патрон кинул на меня взгляд – ничего не объяснил? Я покачал головой. И он принялся истолковывать свой план новому президенту России.

– Идея замечательная, – задумчиво сказала моя жена. – Технология не продумана. Что значит четырнадцать месяцев ждать окончания срока действующего генсека и набирать популярность на трибуне ассамблей? Даже если я своим вето парализую деятельность Совета Безопасности, какова вероятность, что Организация изберет вас напрямую? Нет, действовать надо быстро и наверняка.

– Как? – мы с Патроном в один голос.

– Валить генсека немедленно, а постоянных членов Совета Безопасности брать за глотку.

Люба посвятила нас в детали своего молниеносного плана.

– Это шантаж! – возмутился я.

– Это политика, – отрезала Люба.

Патрон схватился за голову:

– Вы, Гладышевы, раньше смерти меня в гроб загоните.

– Хватит нам играть роль сдерживающей силы – пора брать бразды в руки и управлять миром по своему разумению. Дядюшка Сэм давно выработался: ест больше, чем производит, нахлебником сидит на шее человечества. Надо поставить его на соответствующее место.

Это Люба сказала, а я смотрел на неё во все глаза, силясь понять – с Билли она столкнулась или такова её безграничная в себе уверенность?

– Алексей Владимирович сядет за компьютер и соберёт необходимую информацию, а дальше дело техники, – она хлопнула меня по колену. – Дней пять на всё про всё, я думаю, тебе хватит....

Не спалось. Я всматривался в прекрасные черты любимой женщины и силился понять: как и когда из простенькой девушки сибирского захолустья выросла умная, властная, с железной волей женщина? Лёшка Гладышев ей в подмётки не годится, а спит с ней и требует от неё ребёночка. Где-то что-то проморгал, а всё от того, что редко бывали вместе, от случая к случаю, наездами. Может, живи рядом, и я б дотянулся до её высот. Или она стала помягче – малыша родила. А сейчас робость душит все чувства. Даже любовь....

Люба приоткрыла один глаз:

– Терзаешься? Успокойся, милый, все грехи возьму на себя. А потом.... Не плоди компроматов: не воруй, не прелюбодействуй – чти законы Божьи и государства. Так? Так. Шантаж политика – это скальпель хирурга. И всё, что делается на благо человечества, оправдано. Ибо сказано: цель оправдывает средства.

– По-моему, сказано было в другой обстановке, и слова эти принадлежат тирану.

– Тирания, демократия.... – пустословие всё это, Гладышев. Историю делает народ, а лидер – выразитель его воли, и не важно, какой властью он наделён. Пойми, муженёк, у России накоплен достаточный потенциал, чтобы попросить дядюшку Сэма выйти вон с пьедестала мировой арены.

О том же и Патрон говорил. И я подумал, как бы ни поссорились два президента – России и всей Земли – выталкивая мирового лидера с его поста.

Через пять дней в СМИ просочилась информация о тёмных делишках нынешнего генсека ООН. Благоразумный азиат подал в отставку. Через две недели Люба вылетела в Нью-Йорк на экстренное заседание руководителей стран постоянных участников Совета Безопасности. Совещание проходило при закрытых дверях. Президент США на правах хозяина открыл его.

– Какие будут предложения по кандидатуре, господа...?

Запнулся, чуть склонил голову в сторону президента России.

– Простите.

– Всё правильно, – Люба встала со своего места, будто получила разрешение говорить. – У меня действительно есть предложение по новой кандидатуре Генерального секретаря Организации Объединённых наций. Как только присутствующие господа прочтут подготовленные нами документы, они убедятся, что лучшей кандидатуры, чем экс-президент России не существует.

– Но позвольте, – лидер Франции. – По сложившейся традиции у нас не было генсека из страны постоянной участницы Совета Безопасности.

– Устав не запрещает, а традиции... Вы прочтите, господин президент... Ну, а потом поговорим о традициях.

Материалы, собранные Билли в короткий срок были убийственны. Сидевшие за круглым столом мужчины по мере чтения бледнели лицами, ёрзали седалищами по мягким креслам, недоверчиво косились друг на друга. Один китайский председатель остался невозмутим, он и высказался первым:

– Я думаю, предложение дельное, стоит обсудить...

И посыпались комплименты моему Патрону. Оказывается, он давно является кумиром Франции, и они там подумывают, не вручить ли орден Почётного Легиона Великому Русскому Реформатору. Английский премьер высказал надежду, что новый генсек ООН не утратил пыла новаторства, выработавшись в России. Он искренне готов помогать ему во всех начинаниях. Президент США был откровеннее других. Он буркнул, поиграв желваками:

– Ловко. Кандидатура меня не устраивает, но возражать не намерен.

Любин расчёт был верен, а исполнение задуманного безупречно. Лидеры четырёх ядерных держав мигом оказались ручными. Средства массовой информации так прокомментировали решение Совета Безопасности.

– Красота правит миром. Госпожа Гладышева своей очаровательной улыбкой взяла в плен четырёх самых влиятельных политиков мира. Надолго ли?

Я знал ответ на этот вопрос. Ровно настолько, сколько эти политики, трясаясь от страха разоблачения, тем не менее, будут цепляться за власть, понимая её не как ответственность перед своим народом, а как средство удовлетворения личных амбиций. Они стали жертвами собственных махинаций.

Известно: у каждого человека найдётся немало чёрных пятен в биографии, огласка которых не желательна. Да взять, к примеру, Вашего покорного слугу. Мне бы очень не хотелось, чтобы мама узнала о моей связи с Мирабель. Или какую роль сыграл её отец в смерти бывшего мужа. Так что...

Так что мой Патрон добился, чего хотел – стал генсеком ООН. Вернее, добилась Люба, а он стал. Засобирился в Нью-Йорк:

– Гладышев, ты со мной?

Узнав о моём намерении, Люба вызвала в Кремль.

– Вот ты какой! Уговариваешь женщину стать матерью и бросаешь её. Врун несчастный.

– Это ещё вопрос, кто из нас врун.

Шагнул к своей законной, положил ладонь на её живот:

– Где обещанный ребёнок? Сколько месяцев прошло?

– Я знала, с кем имею дело. Уезжай, Гладышев, но помни: сейчас уйдёшь – это навсегда.

Сколько уж было этих «навсегда»....

Тут другая напасть – генерал застрелился. В бумагах нашли предсмертную записку, в которой он просил прощение у жены и дочери.

«Приходит время, когда с болью в сердце, – писал мой дед, – начинаешь осознавать себя тяжкой обузой близким. Поскольку жизнь конечна, то лучше свести с ней счёты, находясь в здравом уме и полной памяти».

Именно память считала мама главной причиной трагедии. Генерал взялся за мемуары, разбередил душу, ну и....

Похоронили деда с воинскими почестями.

2

Другую версию гибели моего деда поведали Никушки с рассказа их матери.

Генерал действительно взялся за мемуары, а чтобы заарканить Пегаса (поймать вдохновение) стал прикладываться к рюмке с коньяком. Дальше – больше. В смысле, больше пилось, чем писалось. Подогретая память услужливо вытаскивала из закровов пережитого мгновения величия и побед. И дед был счастлив. А потом скрипел зубами на виновника своего забвения – то бишь, меня.

Предсмертное послание жене и дочери – единственное законченное произведение старого разведчика. Он его много раз перечитывал, исправлял, наконец, распечатал и положил в ящик стола до нужного момента.

Мысль о самоубийстве не раз приходила ему в голову, иногда даже облачалась в слова, но никогда не терзала душу и не доминировала над психикой. Это была мечта о красивом уходе, не более того.

В тот дождливый день дед, сидя в каталке за рабочим столом, затуманенным коньяком сознанием пытался отыскать причину – почему ушёл в отставку генерал-майором, а не на одну звезду повыше. Кто виноват?

Некстати заглянула Машенька:

– Алексей Георгиевич, ты бы не пил так много – у тебя давление.

– А? Что? – парализованный генерал вдруг поднялся из каталки.

– Ой, да ты ходишь! – всплеснула руками молодая жена.

Пожилой супруг не разделил её радости.

– Ещё и стреляю, – выхватил из ящика стола пистолет и бахнул над ухом перепуганной женщины.

Машенька бегом из комнаты. В спину гремел генерал

– Хвори мои не от нервов, а от твоих вертихвосток и хахаля их, Лёшки поганого – будь они трижды прокляты.

Машенька спряталась. Дед ещё пару раз выстрелил в доме – продырявил портреты двойняшек. Потом в саду – неизвестно в кого или во что. И застрелился в беседке. Той самой, где я подсматривал за Никушками.

Рассказ матери перепугал дочек.

– Он проклял нас, Алекс. Что-то должно случиться. Не смейся – и с тобой тоже.

Что с нами могло случиться?

Сестрицы окончили Литературный институт. Копаюсь в архивах в поисках материалов для своих будущих поэтично-прозаичных творений, натолкнулись на мысль, что возможно и в их жилах течёт голубая дворянская кровь. Стали изучать родословную предков. Кто-то где-то и когда-то пересекался с известными Шереметевыми, Воронцовыми, Орловыми. Но ближе всех оказались Нарышкины. На этой фамилии сёстры и остановили свой выбор. Ещё бы – ближайшие родственники царского дома Романовых. Брачный контракт не обязывал их писаться Гладышевыми. Мама Маша вышла замуж и взяла фамилию мужа генерала. Так что Никушки с лёгким сердцем выправили себе паспорта на Доминику и Веронику Нарышкиных, а с небольшой приплатой стали именоваться графинями. На эту небольшую приплату в Москве было построено новое здание Дворянского Собрания. Свежеиспеченные маркизочки разыскали в Подмосковье следы родового поместья Нарышкиных, восстановили его в прежнем стиле и убранстве, переехали туда.

Мне нравилось бывать у них. Кружиться на дворянских балах, в джинсах среди сверкающих гусар и обладателей дымчатых фраков. Смотреть постановки «крепостного» театра, пьесы для которого писали сами графини. Ездить верхами на травлю волков. Ходить с ружьём

на боровую дичь и жарить её на костре. А больше всего – бывать с Никушками в бане, выскакивать распаренными и мчаться нагишом к пруду. Их гарцующие попки будили во мне такую страсть, что я гонялся за близняшками по всей усадьбе, из которой в дни моих визитов благо- разумно удалялась прислуга, и, поймав, пощады не давал . . .

Их кумиром был Потёмкин. Они звали меня пресветлым князем и сожалели, что на моём лице присутствуют оба глаза. Я в том резона не находил.

Когда вслед за Патроном перебрался в Нью-Йорк, Никушки загрустили. Визиты мои стали нечасты и непродолжительны. Раз в месяц, а то и в два на денёк-другой – разве это жизнь? Скоро надоели им тупые лица выродившихся потомков знатных фамилий. Всё надо- ело. Спасло от полной меланхолии новое увлечение – страсть к путешествиям.

Звонок. Никушки.

– Алекс, приезжай немедленно – ты должен это видеть. Приезжай, иначе брачный кон- тракт в печку.

И я сел в самолёт, летел в Египет, чтобы заняться любовью с близняшками у подно- жия пирамиды Хеопса. Другой раз мы миловались меж колонн Парфенона. Колизей вспомнил римских развратниц.

Я пытался разгадать географию их маршрутов. Казалось, они изучают историю цивили- зации. Но кой чёрт после Венеции занёс их в Колумбию – уму непостижимо. Они переночевали в столичном отеле, а утром с метисом-водителем уехали на джипе в неизвестном направлении. И пропали . . .

Забеспокоилась администрация отеля. Позвонили в российское консульство. Те подняли полицию. Сообщили мне. Я прилетел вместе с сотрудниками Интерпола. Мастера сыска заня- лись опросом персонала гостиницы, из которой пропали Никушки, и ближайших заведений – кто что видел? А я связался с Билли.

– Проблема, Создатель. Проблема в том, что не могу прощупать здешние веши и города из космоса, оттого что ни одного спутника в этом регионе нет. Белое пятно на карте Западного полушария. Не догадываешься почему? Слышал что-нибудь о наркобаронах, кокаине, план- тациях коки? Здесь их рай на матушке Земле. И кому-то очень выгодно, чтобы преступный бизнес процветал, принося доход. Этот кто-то управляет космическими аппаратами.

– Штаты? Пентагон? ЦРУ?

– Три версии и все верные. Поздравляю, Создатель.

– Слушай, мы этим займёмся, обязательно займёмся, а сейчас надо искать Никушек. Что посоветуешь?

– Я подкорректирую орбиту ближайшего спутника и отсканирую сельву. Боюсь, что под- пишу летательному аппарату смертный приговор – пусть тогда он будет американским.

С прилетевшим со мной комиссаром Интерпола расположились в том самом двухмест- ном номере того самого отеля, из которого пропали двойняшки. Весь день он принимал инфор- мацию от полицейских, а вечером доложил итоги мне. Мы пили кофе у телевизора, в новостях передали – спутник радиосвязи перестал отвечать на сигналы, перешёл на опасную траекторию полёта и был уничтожен ракетой, пущенной с борта крейсера ВМС США. Обломки частью сгорели в атмосфере, частью упали в Тихий океан на безопасном от побережья расстоянии.

Ловко! У меня зуделись уши поскорее связаться с Билли, но и рассказ комиссара был интересен. Один колумбийский наркобарон по прозвищу Додди слыл большим охотником до прекрасного пола. Его люди рыскали по всей стране и за пределами в поисках налож- ниц, которые бесследно исчезали на фазендах в сельве. Фотографии всех хорошеньких жен- щин, остановившихся в отелях столицы и других крупных городов, немедленно оказывались на столе барона от наркотиков. Порой Додди сам выезжал на «охоту». Его чёрный брони- рованный «Мерседес» медленно двигался проезжей частью, а толстобрюхий мафиози из- за тонированных стёкол рассматривал проходящих тротуаром представительниц прекрасной

половины человечества. Последний раз Додди видели в столице за день до исчезновения Никушек. Машину даже останавливали. Сделав внушение водителю, полицейские отпустили её, а ведь Додди находится в международном розыске в связи со своей преступной деятельностью, и не зная об этом стражи порядка не могли. Возможно, внушение было оплачено. А может, блюстители закона пасовали, узнав владельца чёрного «Мерседеса». Всё может быть.

Комиссар между визитом наркобарона-бабника в город и пропажей Никушек находил прямую связь.

Итак, Додди! Возьмём за версию.

Оставив соседа по номеру у телевизора досматривать подробности, как американская ракета метко сбила американский спутник, вышел на террасу и связался с Билли. Мой виртуальный приятель был настроен оптимистично.

– О, Додди! Я многое мог бы рассказать об этом субъекте. У него португальские корни и весь набор венерических болезней. Он владеет несколькими плантациями коки в сельве, ближайшая в двухстах пятидесяти километрах от столицы.

– Будем брать?

– Будем, но не так, как ты сейчас об этом подумал. Ни местной полиции, ни даже Интерполу в нашем положении довериться нельзя. Каждый твой шаг будет отслежен, и в щекотливой ситуации Додди просто уничтожит пленниц – следов не найдёшь.

– Может, русский спецназ?

– Нет, лучше ядерная бомбардировка и полномасштабная война! Весь спецназ – это ты. Бери джип, снаряжение для похода и вперёд в сельву, отрубая концы.

– Не заблужусь?

– Я отсканировал со спутника – океан ему пухом! – все тропинки и ручейки Колумбии, доведу напрямиком, как Сусанин ляхов, не беспокойся.

– Комиссар мне кажется порядочным человеком.

– Этот «порядочный человек» в какой-то момент приставит к твоему лбу ствол и нажмёт курок со словами: «Ничего личного – только бизнес». Пойми, Создатель, так устроен западный мир. Всё дело в цене. Лучшим другом в дороге тебе будет оптимизатор. И не криви губы: без него ты, московский неженка, и шагу не ступишь по сельве – ядовитые насекомые, змеи, тропические дожди, вызывающие лихорадку, солнечные удары и ожоги от палящего светила – всё превозмочь под силу только ему.

– От духоты я бы и сейчас не против.

Вернулся в номер, поковырялся в личных вещах, извлёк на Божий свет пару серебряных браслетов. Один великодушно уступил комиссару.

– Сувенир из России – помогает сохранять жизненный тонус.

Комиссар завтра собирался посетить столичную и окрестные тюрьмы, где отбывали сроки уже отловленные сподвижники Додди. Он и списками запасся. Звал меня с собой. Но я отказался – направляюсь, мол, в банк, так как операция предстоит затратная.

– А вы не скупитесь в посулах: за хорошую информацию расплачусь щедро.

.... Приснилась война, которая была задолго до моего рождения. Танк, управляемый неведомой силой, мчался вперёд. Под гусеницами рвались, не причиняя вреда, мины. Со сторожевой вышки засверкали белыми огоньками пулемёт. Броня застонала от боли под свинцовой плёткой, но выстояла. Ах, туды вашу мать! Развернул башню и жажнул по гитлеровцам на вышке. Понеслись клочки по закоулочкам! Танк прорвал ограждение из колючей проволоки, замер на месте. Я высунулся из люка. Толпа женщин в полосатых пижамах кинулась ко мне: «Родненький!». Измождённые лица, затравленные глаза, руки как плети. Концлагерь! Господи, до чего людей довели. Никушки! Эти как здесь? Тоже в полосатых двойках, но бодренькие, упитанные. Вскрабкались на броню, скинули на землю лагерное шмотье и прыгшмыг голенькие в люк. Ох, и миловались же мы на радостях....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.